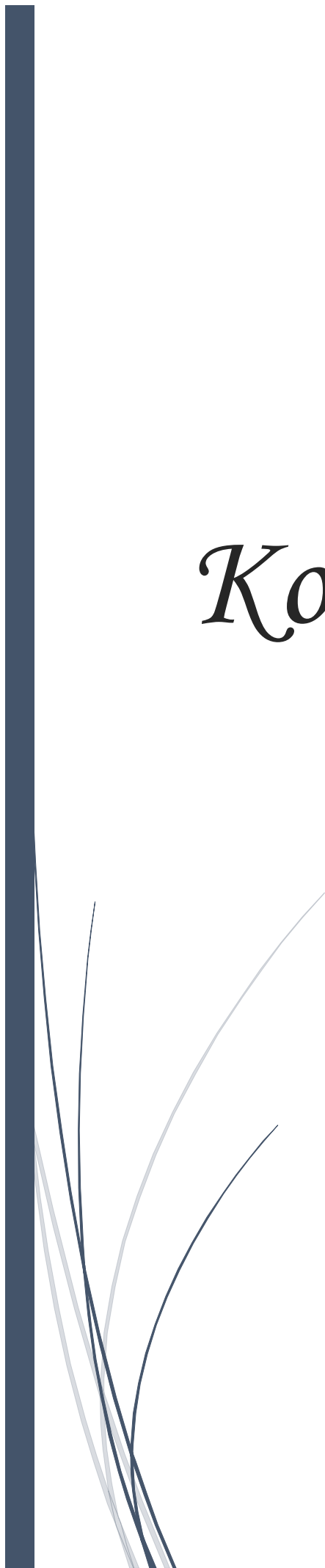

Михаил Нагирняк

*Когда иссякнет
источник*

Михаил Нагирняк

*Когда иссякнет
источник*

2021 г.

Когда иссякнет источник

Библейский рассказ.

Михаил Павлович Нагирняк.

2021 г.

Как сопереживать героям Библейских историй, чтобы перенести их переживания в свое время и понять, какой урок можно взять для себя.

Песня мамы

Рахиль, ты где? От неожиданности Рахиль испуганно вздрогнула. Однако, узнав по голосу подружку, перевела дух и тихонько ответила, - я здесь.

Из-за каменной ограды к ней подошла Айшá, ее подруга и ровесница. Рахиль спросила, - как ты меня нашла?

- Я услышала, как ты поёшь и пришла, а что ты пела?

- Я пела нашу еврейскую песню:

«Слушай, Израиль: Бог мой, всемогущий Бог!

Ты дал мне жизнь, Ты дал мне все.

Глаза в слезах и сердце тихо плачет,

Лишь сердце смолкнет, закричит душа.»¹

- Хозяйка же тебе запретила ее петь, перебила Айша. И тут же спросила, - а что это за песня?

- Эту песню пела мама, когда укладывала меня спать. Я и сейчас, когда ложусь, мне кажется, что мама со мной и снова поет «Шма Исраэль». Наши мамы в Израиле всегда поют детям эту песню. Она очень древняя. Моей маме пела ее мама, а ей – ее мама...

...В нашей культуре матери обычно поют своим детям: «Баю баюшки, баю...», а еврейские мамы поют своим детям «Шма Исраэль». Хотя, может быть, и не все современные мамы...

Есть такая реальная история, как отыскивали еврейских детей после второй мировой войны. Во времена нацистского правления в Германии была создана специальная организация, целью которой было отбирать из захваченных в плен маленьких детей, в том числе и из еврейских детей, годных для того, чтобы из них потом формировать арийскую расу и солдат для германской армии.

Для этого у детей отбиралось все: прошлое, вся их история, уничтожались документы, давали немецкие имена и фамилии. Кого-то отдавали в немецкие семьи, а какие-то дети оставались в специальных

¹ Шма Исраэль. Текст адаптирован автором.

детских домах. Когда война закончилась и стали открываться преступления нацизма, стал вопрос и об этих, потерявших свою историю детях. Проблема только была в том, что практически невозможно было найти хоть какие-то свидетельства о настоящем происхождении этих детей.

Один мужчина поставил целью отыскать среди этих детей еврейских детей. Для этого он переезжал из одного детского дома к другому и просил руководителей собрать всех детей вместе, чтобы он мог отобрать детей – евреев. Директора обычно недоуменно говорили, - как можно узнать кто из детей еврей, а кто нет, если нет никаких документов, а сами дети были слишком маленькими, чтобы запомнить, кто они.

Но мужчина просил, и директора собирали детей. Когда этот человек выходил к ним, дети настороженно смотрели на незнакомца. Он ничего не говорил, а начинал петь древнюю еврейскую песню, которую когда-то пели их мамы. И происходило удивительное. Вдруг в толпе детей заплакал один мальчик, потом еще один, потом девочка... Эти дети стали выходить к этому мужчине. Они его совсем не знали, но он пел ту песню, что осталась в глубинах их детской памяти как песня их мамы...

...Рахиль была пленницей и служанкой Зинат, жены сирийского военачальника Неемана.

Дом родной

Когда удавалась такая возможность, Рахиль уходила к каменной ограде и мечтала. Это было ее укромное место. Мечтала о своем доме, о своих родителях, о своих братьях и сестрах. Забывался плен и крики окружающих ее людей, и она в своих мыслях была уже далеко. Там, где были радость и счастье. Порой на ее лице появлялась тихая улыбка, а иногда из прикрытых глаз незаметно появлялась слеза.

Ее родителей звали Ариэль и Наоми, и были они из колена Неффалимова. Сколько радости было в семье, - они были совсем молодыми, когда совершили их бракосочетание. Потом пошли дети. Один за одним. Рахиль была старшая, а самым меньшим был Нафтали (в нашей Библии – Неффалим).

Иногда родители шутили над именами друг друга. Ариэль говорил Наоми, что она самая приятная (Наоми – значит приятная), а Наоми говорила Ариэлю, что он силен как лев (Ариэль – значит лев Бога). А порой Наоми дразнила Ариэля, - ну какой ты лев? А он, вроде бы сердито, отвечал, - все равно ты самая красивая. Они были так счастливы. Особенно когда вокруг них собирались дети.

Наоми почти все время проводила с детьми, а Ариэль постоянно должен был отлучаться из дома для работы в поле, чтобы содержать семью. Но когда он возвращался, то они все собиралась вокруг него.

Наоми позже признавалась детям, - я всегда ждала, когда папа придет домой. Выходила из дома и в тени дерева поджидала, когда послышаться его шаги. Шаги его я могла отличить от тысяч других шагов. А когда слышала, что он уже идет, быстро забегала в дом, чтоб он не догадался, что я его выглядываю.

Дети рождались один за одним. Некоторые презрительно спрашивали, - зачем вам столько детей? На что родители отвечали, - дети – это награда от Господа. А если так, как можно отказываться от того, что дает Бог.

Один из соседей удивлялся, - как так получается, что у вас все дети спешат что-то делать? Тогда нужно было перенести какой-то материал, и Ариэль стал его переносить на нужное место. А дети, конечно, побежали следом. Нафтали так смешно ухватился за какую-то досточку и пытался тащить ее вслед за всеми, в то же время сам еще неуверенно стоял на ногах.

Так вот, сосед смотрел как дети, даже самый маленький Нафтали, старались чем-то помочь, и грустно заметил: - у меня вот один, да и от него толку нет. Не добьёшься, чтоб чем-нибудь помог.

Конечно, дети и деньги – они обычно не совпадают. Сложно было и с одеждой, и с обувью. Наоми старалась буквально из ничего находить возможность, чтобы дети не ходили разутыми и в порванной одежде. Да что там в порванной, нужно было следить, чтобы одежда всегда была еще и чистой.

Когда в семье мало детей, соседи не обращают внимание на то, что дети могут бегать грязными. Ну, подумаешь, мать не досмотрела... А если это случится в многодетной семье, то кто-нибудь обязательно скажет, - ну вот, нарожали, а ладу не могут дать.

...Бывает в адрес многодетных родителей звучат и такие обвинения. Одна женщина, у которой был только один ребенок, сказала многодетной матери, что та на самом деле богатая и бедной только прикидывается. Потому что сама она с трудом содержит одного ребенка, а у вас хватает на всех детей...

Впрочем, родителей Рахили это не смущало. Наоборот, вся их жизнь была наполнена удивительным счастьем и радостью. Саму Рахиль родители называли своей овечкой (Рахиль – значит овца), а ей это очень нравилось.

Потом пришлось строиться. Домик был маленьким, а семья росла и становилось все теснее и теснее. Понемногу собирали материал и наконец Ариэль собрал всю свою семью и сказал, - всё, молимся и начинаем строиться. Как-то так и начали строиться. Не имея средств и не зная, чем все это закончится. Но Бог благословлял, и стройка продвигалась все дальше и дальше. Появились стены, а потом и крыша.

Дальше нужно было мазать стены. Снова принимала участие в этом вся семья. Родители и радовались, и смеялись, глядя как дети усердно лепят глину. Даже в одном месте специально оставили на стенах следы маленьких ладошек. Как память об этом прекрасном времени...

Долго предаваться этим дорогим воспоминаниям не было времени. Того и гляди раздастся недовольный голос хозяйки. И если ее не окажется на месте, хозяйка будет сильно кричать. Поэтому Рахиль, торопливо отерши скупую слезу, спешила к своей работе.

У нее были и другие, совсем не радостные воспоминания о тех событиях, которые лишили ее не только счастливого детства, но и самой свободы. Рахили часто приходило на память страшное видение – её хватает разбойник и бежит с ней из селения. В ужасе до нее доносился откуда-то издалека отчаянный крик матери.

Сирияне

Сезон дождей заканчивался и некоторых жителей этой сирийской страны одолевало какое-то возбуждение. Давно уже отвыкшие работать в поле и пасти скот, они привыкли добывать себе пропитание и средства на жизнь посредством набегов на своих соседей, и, вообще, на всех, кто был слабее их. Тем более, что в Дамаске появился удачливый предводитель таких набегов по имени Нееман.

Такие люди собирались в отряды и шли на соседние земли. Когда набег был удачный, приносили много добра, а порой захватывали и пленников. А когда удача отворачивалась, то возвращались домой не все и во многих домах еще долго слышался плач.

Так было и тогда, когда Нееман снова стал собирать отряды для очередных набегов. Поскольку Сирия граничила с Израилем, то и набег, в основном, приходились на эту местность. Жажда наживы напрочь заглушала голос сострадания к невинным людям.

Такой отряд раскинул свои шатры на земле колена Неффалимова и все члены отряда только и думали о будущем нападении и надеялись, что удача и на этот раз не отвернется от них. Таким образом они пытались заглушить страх, что кто-то из них ляжет костью на этой земле и уйдет неоплаканным.

Два человека из отряда уединились от остальных. Один был уже бывалым и участвовал во многих таких походах, а второй был совсем молодым. Старого звали Яир, а молодого – Омри. Он пошел с отрядом, потому что его соблазнили рассказы о богатствах, которые можно быстро получить. Но внутри него был страх. Омри боялся боли, боялся крови и ран, а больше всего он боялся смерти.

Об этом они и заговорили. Омри немного трясло в ожидании грядущей стычки с местными жителями и он спросил Яира, не страшно ли тому? Яир философски ответил, - что бояться? Все равно когда-нибудь умирать. Упоминание о смерти передернуло Омри и он испуганно спросил, - а нельзя без войны? Нас же тоже могут убить.

Яир помолчал, а потом как заучено сказал, - мы всегда так воюем. Сначала мы делаем набег и берем все, что можем. Потом на нас набегают и берут у нас все, что смогут. Так и живем.

Омри совсем приуныл. Мысли о быстром обогащении стали уже не такими желанными. После некоторой паузы он снова спросил, - а Бог не накажет? Яир вспыхнул и резко спросил, - а разве мы без воли богов пошли на эту землю?

На этом беседа прекратилась. Стихал треск догоравшего костра и лагерь замирал. Яир тоже вскоре уснул. Только Омри еще долго ворочался с боку на бок и никак не мог заснуть и на всякий треск и шорох испуганно задерживал дыхание.

Еще ему было ужасно от воли богов, которые сначала велят делать набег, а потом равнодушно смотрят на страдания людей. Хотелось быть подальше от таких богов. Главное сейчас, чтобы они не слышали и не поняли, что он думает.

Вопреки ожиданию Омри, нападавшие не спешили совершать набег. Они уже не раз это делали и знали, что лучше подождать когда мужчины уйдут на работу в поля, и тогда напасть на практически безоружное селение, где остаются только женщины и дети.

Спрятавшись за ближайшими холмами, сирияне притаившись ждали удобного момента. Увидев, как из селения один за одним уходили мужчины и когда уже никто больше не шел, они поняли, что в селении мужчин уже нет и нужно спешить, пока известие о набеге не дойдет до работающих в поле.

Не то, что они боялись простых селян. Но как и все, кто живет разбоем, они были жестоки к слабым и старались избегать тех, кто мог дать отпор.

Поднявшись по команде, весь отряд из всех сил бежал к селению. Бежали со всеми и Яир, и Омри. Яир никак не мог сосредоточиться на том, что ему нужно будет взять в первую очередь, а Омри со страхом оглядывался по сторонам. Вдруг кто-нибудь выскочит из-за холма и его убьют.

Наоми

Жизнь семей в селении проходила по одному распорядку – рано утром жены провожали мужей на работу, а потом занимались детьми и домом и ждали возвращения мужей.

Наоми в то утро тоже, как всегда, вышла, чтобы проводить Ариэля. Идти нужно было рано, пока не разгорелась дневная жара. Уходя он тихонько шепнул, - какая же ты красивая. Наоми аж вся зарделась. Задержав ликующий взгляд на Ариэле, она тихо сказала, - я тебя буду ждать. И еще немного помолчав, произнесла, - я пойду, скоро дети проснутся.

Ариэль почему-то вдруг сказал, - мы своих детей доверили Богу. Он сохранит их. Потом он повернулся и пошел. А она еще долго с каким-то трепетом смотрела ему вслед.

Дети и правда скоро проснулись. Первым зашевелился Нафтали и сразу захныкал, - почему папа ушел без меня? Я тоже хочу с ним работать. Наоми засмеялась, - подожди, подрастешь немного и обязательно будешь работать с папой. Он будет рад этому. Другие дети тоже попросыпались. Начался день с его заботами, радостями и горем.

Неожиданно привычный гул селения был прерван криками и шумом. Вопли ужаса и боли, незнакомые визгливые крики – все это заставило похолодеть сердце Наоми. Выскочив из дома, она увидела как между домами бегали чужие вооруженные люди. Вот они уже подпалили чей-то дом. Зачем? Чтобы среди жителей возникла паника и они не смогли дать отпор. Даже если это и женщины.

Грабители спешили. Они знали, что на крики и дым обратят внимание мужчины в поле и, конечно, они будут спешить на защиту своих семей. Поэтому напавшие на селение торопились. Нужно было как можно скорее схватить все, что попадется под руку. А если кого-то удастся захватить в плен, то это будет большая удача.

Действительно, работавшие в поле мужчины поняли, что в селении беда и, бросив работу, побежали чтобы отбить набег. Они бежали к селению изо всех сил. Знали, что каждая секунда дорога.

Разбойники тоже увидели, что их набег уже обнаружен и мужчины возвращаются, чтобы защитить свои семьи. Особенно их внимание привлек

Ариэль, который бежал впереди всех и как будто летел, и, как им показалось, почему-то был похож на льва.

Нападавшие схватились за свои луки. Со змеиным шипением блеснули на солнце стрелы и бегущий вдруг как будто споткнулся...

...Ариэль тоже слышал крики и вопли со стороны селения и сразу понял, что там беда. Теперь он бежал к селению и в его уме стучала одна мысль – что с Наоми и с детьми? Он видел, как среди домов бегали грабители. Видел, что они увидели и его. Видел, как несколько из них повернулись и в их руках были луки.

Неожиданно Ариэль почувствовал, что он летит. Ему вдруг стало казаться, что он поднимается все выше и он не один, с ним Наоми и они вдвоем держат на руках всех своих детей. У Наоми был такой же ликующий взгляд как утром, когда она провожала его.

Потом он увидел, что облака разошлись и среди облаков он увидел Всемогущего Бога, Который восседал на облаках и смотрел на него и на Наоми. Ариэль с трепетом поднял лицо и вдруг заметил, что в глазах Всемогущего мелькнула какая-то печаль...

...Наоми, когда выбежала из дома, тоже увидела, что мужчины бегут к селению. У нее мелькнула мысль, - только бы они успели.

Она видела Ариэля, который бежал впереди. Даже цепenea от ужаса, она вдруг тоже увидела, что он похож на льва, и что он как будто летит. Потом Ариэль стал падать. Наоми зашаталась от боли и прислонилась к каменной ограде.

Неожиданно перед ней появился грабитель, заскочил в дом и выбежав из него держал в руках Рахиль. Остальные дети его не интересовали. Они были еще маленькими. А эта уже была достаточно взрослая и могла пригодиться как служанка его жене. Он быстро убегал, а вслед ему звучал наполненный ужасом и отчаянием вопль Наоми.

Время шло. Боль не стихала. Просто она стала тупой и ушла куда-то вглубь. Дети часто спрашивали, - а где папа? Наоми всегда отвечала, - он у Господа.

- А зачем Бог забрал его?

- Папа уже все сделал на земле, что Бог поручил ему.

- А как мы будем без папы?

- Бог будет вам за папу. Вы сироты, а Бог – это Бог сирот и вдов. Бог хороший папа. Как ваш папа Ариэль.

- А где Рахиль?

На этот вопрос Наоми ничего не могла сказать. Она и сама не знала, где Рахиль, и что с ней. Она не представляла как ее найти и, тем более, как ее вызволить из плена, если ее дочь еще жива.

Рано утром, когда дети еще спали, Наоми выходила из дома, подходила к тому дереву, где когда-то она ожидала с поля мужа, и снова уносилась в прошлую счастливую жизнь. Как хотелось, чтобы все происшедшее было только страшным сном. Эти мысли всегда прерывались одним и тем же – вдруг раздавались крики, она снова видела Ариэля и снова видела разбойника, который уносил Рахиль.

Наоми знала, что придет время и она встретится с Ариэлем на небесах. Нужно просто подождать. Только ждать не так легко...

А при мысли о Рахили ее сердце сжималось от боли и она долго смотрела в ту сторону, куда убегал разбойник, похитивший ее дочь.

Утешение Наоми находила в молитве. Она молилась о том, чтобы Бог воспитал ее детей, потому что Он – Отец. Она просила Бога, чтобы Он сохранил и защитил ее Рахиль, потому что Он – Бог сирот.

Каждый раз Наоми после молитвы тихонько пела одну и ту же песню:

Сохрани, мой добрый Боже,
Мед и жало, день и ночь,
Дождь и зной, шипы и розы,
И малютку-дочь...²

Она и раньше пела эту песню и дети ее знали. Иногда, когда она утром заходила в дом, дети спрашивали, - мама, ты снова пела эту песню? Наоми тихо отвечала, - снова пела.

Потом возвращалась к дневным заботам и ждала, чтобы снова утром выйти из дома и сердцем искать свою дочь.

² Пусть все это. Перевод В. Шапира. Перевод песни Наоми Шемер "Пусть всё это" или "Мёд и жало"

Хозяйка

Зинат – жена Неемана, тоже провожала мужа. Она знала о намеченном набеге и деятельно помогала ему собраться в этот поход. Зинат, как и жены всех военных, собравшихся в этот отряд, переживали за своих мужей: вдруг они не вернутся. Но никого из этих женщин не волновало, что намеченный набег принесет кому-то горе и слезы. Все к этому привыкли и считали, что так и должно быть. Мысль о чьих-то слезах в их головы и не приходила.

Когда отряды сирийцев ушли, Зинат беспокойно ожидала возвращения мужа и думала, - хоть бы он не погиб. И мечтала о том, что Нееман принесет из набега – будет ли в добыче что-нибудь ценное?

Еще Зинат хотелось, чтобы у нее были слуги. Нееман стал таким значительным при царе, что и ей уже неприлично самой управляться по хозяйству. Вот если б он привел какую-нибудь девчонку. Тогда бы она и себя почувствовала важной.

Набег обычно продолжался не один день, и все это время Зинат переживала за Неемана, и немножко за девчонку – будет ли у нее служанка или нет.

Наконец послышались голоса возвращающихся воинов и все вокруг наполнилось радостными возгласами, - все нападавшие вернулись живыми и принесли с собой много награбленного добра.

Зинат с нетерпением ожидала когда Нееман придет домой. Сразу успокоившись от страхов за его жизнь, она теперь ждала, что он ей принесет. Будут ли это одежды и ценности, или исполнится ее мечта о собственной служанке.

Наконец пришел Нееман. Он зашел в дом важный и самоуверенный. Поприветствовав жену, он спросил ее, - как ты думаешь, что я тебе принес? Зинат никого, кроме Неемана не видела и растеряно пожала плечами.

Он, видя ее недоумение, довольно рассмеялся, - вот, смотри какой подарок. Нееман вывел из-за своей спины девочку-еврейку, которая была больше похожа на маленький испуганный комочек.

- Будет тебе служанка. Ты же этого хотела.

Зинат выдохнула, - наконец-то. Она сразу почувствовала себя важной и солидной. Придирчиво разглядывая пленницу, она деловито спросила: - как тебя зовут?

- Рахиль.

- Тогда знай, чтоб ты не плакала, и не просилась домой. И не пела своих еврейских песен. Они мне не нравятся. Если не будешь слушаться, то я буду тебя наказывать. Просыпаться ты должна раньше меня и сразу быть готова служить мне. Высказав все это, Зинат повела девочку к месту, где та теперь должна жить.

Повернувшись к Рахили, Зинат снова сказала, - приводи себя в порядок и быстро ко мне. Когда обращаешься ко мне, называй меня «госпожа». Поняла? Рахиль испуганно закивала головой.

Оставшись одна, девочка хотела заплакать, но страх перед хозяйкой заставил ее быстро собраться и поспешить к госпоже. Еще недавно она была свободная и счастливая в родительском доме, а сегодня – служанка и рабыня. Так началась жизнь Рахили в доме Зинат, жены Неемана.

Рахиль

Дни бегут независимо от того, в горе мы или в радости. Так и для Рахили. Она постепенно свыкалась со своим положением служанки и ее жизнь сводилась к беспрекословному выполнению своих обязанностей. Работа начиналась с утра и продолжалась до вечера. Редко когда удавалось найти свободное время и где-нибудь уединиться.

Когда же так получалось, то Рахиль спешила к своему месту за каменной оградой. Своим она называла его потому, что там можно было уединиться, и оно было недалеко от дома, чтобы слышать голос госпожи.

Первое время Рахиль, как только приходила в свой уголок, где она спала, закрывалась с головой и тихо-тихо плакала. Чтобы никто не слышал. Так со слезами и засыпала. А ночью ей часто снился один и тот же сон – ее хватает страшный разбойник, потом она видит как падает на землю отец, и, как бы из далека доносится полный боли и горя крик матери...

Потом она даже стала ждать этот сон. Чтоб хотя бы в таком сне снова увидеть маму и отца. О страшном разбойнике Рахиль старалась не думать и он все больше походил на тень, которая мелькала вдалеке.

Там, за этой каменной стеной, она садилась на землю и в своих мечтах уносилась домой, в тот прекрасный и счастливый мир, который у нее теперь отняли и его уже не вернуть. Рахиль была все-таки ребенком и не все она могла еще осмыслить. Только горе вошло в ее жизнь полной мерой.

Вспоминала она и о том, как они собирались вместе всей семьей и такие вечера часто заканчивались пением. Наоми пела куплет о маленькой дочке:

Сохрани, мой добрый Боже,
Мед и жало, день и ночь,
Дождь и зной, шипы и розы,
И малютку-дочь.

Потом присоединялись остальные дети и продолжали пение:

Сохрани волну и камень,
Лед и пламень, свет и тьму,
Возвращенье из скитаний
К дому своему.

Потом пели припев:

Пусть все это, пусть все это
Сохранит мой добрый Бог:
Дождь зимой и солнце летом,
Даль дорог, родной порог.

Не губи росток под солнцем,
Дай надежду и ему.
Возврати нас, и вернемся
В нашу добрую страну.

В своих мечтах Рахиль забывала рабство и сама начинала тихонько,
чтоб никто не услышал, петь эту песню дальше:

Дом мой, сад мой и ограду,
Добрый Боже, сохрани,
От уныния и страха,
Горя и войны.

Сохрани мне эту землю,
Свет надежды вдалеке,
Этот плод, еще не зрелый,
У меня в руке.

Ветер дерево качает,
С неба падает звезда,
Я хочу свое желанье
В сердце загадать:

Сохрани для ближних, Боже,
Все тепло моей души,
Боль и радость, смех и слезы,
И напев в тиши.

Рахили казалось, что они снова вместе всей семьей, с мамой и папой,
поют припев:

Пусть все это, пусть все это
Сохранит мой добрый Бог:
Дождь зимой и солнце летом,
Даль дорог, родной порог.
Не губи росток под солнцем,

Дай надежду и ему.
Возврати нас, и вернемся
В нашу добрую страну.³

Потом ей становилось очень грустно. Бывало, незаметно подходила Айша – ее подружка, и тоже подпевала. Айше нравилась эта песня. После пения Рахиль незаметно вытирала слезы и спешила в дом, пока ее не хватились.

Хозяйка ее Зинат была такой же как и большинство хозяек – требовала послушания и сноровки. А если у Рахили что-то не получалась, то могла и наказать плеткой. Это было больно и обидно, но плакать нельзя было, а жаловаться некому. Поэтому терпела. И только когда уходила к своей ограде, давала волю слезам и горю.

Так время и шло. Хозяйка уже считала Рахиль незаменимой, что, впрочем, не меняло ее отношения к служанке. Как-то Рахиль не успела что-то сделать и рассерженная хозяйка хлестнула ее плеткой. Да так больно, что Рахиль не смогла сдержать слезы. Судорожно всхлипывая, она старалась вытереть слезы, а они все текли.

Видимо Зинат почувствовала, что она слишком сурово обошлась со служанкой, но не стала извиняться. Вместо этого сердито буркнула Рахили, - ты думаешь мне легко? Вот у меня муж заболел проказой. И кто ему поможет?

Потом хозяйка развернулась и строго сказала, - но это не твое дело. У нас есть боги и они помогут.

Рахиль видела хозяина, когда он приходил домой. Сам Нееман на нее не обращал никакого внимания. Она для него была всего лишь служанкой жены. Зачем тратить на нее время.

Как-то раз, занимаясь своими делами, Рахиль случайно услышала разговор хозяев. Зинат встревожено спрашивала Неемана о болезни. Тот озабочено отвечал, что проказа распространяется все больше и скоро ему придется находиться вне общества. А боги, сколько им не приносил жертвы, не помогают.

Рахиль, когда услышала о болезни хозяина, сначала даже обрадовалась, - так ему и надо. Потом ей стало стыдно. Она вспомнила как папа Ариэль ей говорил, что радоваться чужому горю нельзя.

³ Пусть все это. Перевод В. Шапира. Перевод песни Наоми Шемер "Пусть всё это" или "Мёд и жало"

Рахиль слышала о сильном Божием пророке Елисее и знала, что Бог через него может исцелить хозяина. Но заставить себя сказать об этом хозяйке она никак не могла. Слишком сильна была боль от причиненного зла. Даже проказа Неемана снова напомнила уже приглушенные временем крики ужаса и боли матери и холодный страх, когда Нееман схватил ее. И она молчала.

Одним из вечеров Рахиль снова выбралась к своей ограде, и, как всегда, мечтая незаметно погрузилась в свое прошлое. На этот раз она почему-то вспомнила как отец учил детей правильно относиться к обидчикам. Ариэль говорил, что нельзя платить злом за зло. Наоборот, тем, кто тебе делает зло, нужно делать добро. Потому что зло не побеждается злом, а побеждается только добром. Она вспомнила как они все согласно кивали головами и готовы были всем прощать и делать добро...

...Рахиль вспомнила о болезни своего хозяина и подумала, что прощать на самом деле не так и легко. Для этого нужно не только переступить обиду, но и согласиться терпеть причиненную боль. И чем больше боль, тем труднее ее терпеть. Как понять это маленькой служанке, когда и многие взрослые не могут этого понять.

Утром Рахиль пришла к хозяйке и увидела, что глаза у той заплаканные. Почему-то это кольнуло ее сердце и она, как будто в каком-то порыве, подошла к хозяйке:

- Госпожа, можно мне вам сказать? Вы мне говорили, что господин болен. У нас в Израиле в Самарии есть пророк. Он сильный пророк. Он воскресил ребенка, он сделал воду здоровой, он даже ударил плащом по воде и вода расступилась. Он может исцелить господина от проказы.

Зинат переспросила, - это точно?

- Да, это точно. Я знаю.

- Хорошо, я скажу мужу. А ты иди работай.

Хотя хозяйка и не думала благодарить, Рахиль чувствовала себя свободной. Она сделала так, как ее учил отец. Она смогла победить зло в себе и это было новым чувством, которое называется прощением.

Нееман.

Когда Нееман забывал о своей болезни, он чувствовал себя вполне счастливым. Особенно когда царь шел в храм и там при поклонении опирался на его руку. Тогда собственное положение и близость к царю буквально распирали Неемана от сознания собственной величины.

Однако, в самый торжественный момент вдруг приходила мысль о болезни, и это напоминание полностью перечеркивало всю торжественность события. Проказа не давала забыть о себе. Он болен, и лечения от этой болезни нет. От этих мыслей мрачная тень ложилась на его лицо.

Как-то раз Нееман возвратился от царя после торжественного приема, где он был ближе всех к царю. Дома его встречала жена. Она знала, что сегодня у царя была торжественная встреча и ей не терпелось узнать кто там был и какое внимание было уделено Нееману. Зинат всегда казалось, что тень от славы мужа обязательно падает и на нее.

Об этом приеме она и начала расспрашивать:

- Ну расскажи, как там было? Сколько было званных? Ты снова удостоился почета от царя? Царь опирался на твою руку? Зинат с нетерпением смотрела на мужа, - ну скорее рассказывай. Однако, Нееман был мрачным и недовольным, - что рассказывать? Он болезненно поморщился и глухо сказал, - болезнь снова напомнила о себе.

У Зинат сразу пропало желание расспрашивать о приеме. Теперь все ее внимание переключилось на мужа:

- Что же нам делать?

- Не знаю. Жертвы богам не помогают, а врачи сказали, что проказа им не подвластна.

Зинат огорченно замолчала, а потом вдруг вспомнила:

- Ты знаешь, мне недавно моя служанка рассказывала, что в Израиле в Самарии есть очень сильный пророк и он может исцелить от проказы. Служанка уверяла, что он обязательно сможет помочь.

- Ты думаешь, что там действительно есть такой пророк?

- Служанка говорит, что так. Да и что тебе терять. Попробуй сходи к этому пророку. Может быть и поможет.

Рахиль стояла в другой комнате и слышала этот разговор. Как ей хотелось, чтоб хозяин взял ее с собой. Она бы и дорогу ему показала в Самарию. Еще ей хотелось хоть одним глазком взглянуть на родные места. А там, глядишь, и увидеть маму, и остальных детей. Рахиль затаила дыхание и с дрожью в сердце продолжала надеяться, что хозяин возьмет ее с собой.

На другой день Нееман куда-то собрался и его долго не было. Вернулся он вдохновленным и деятельным. Жене он хвалился, что царь дал ему письма к Израильскому царю и тот не сможет отказать. Потом начались сборы в дорогу. Нужно было взять дары для пророка и собрать отряд для сопровождения. Когда сборы были закончены, он попрощался с женой и вся процессия тронулась в путь.

О Рахили Нееман не вспомнил...

Исцеленный

Неизвестно сколько продолжалось путешествие Неемана, как наконец домашние услышали шум и голоса возвращающихся. Все были рады, что путешествие закончилось и все благополучно вернулись домой. Но самой главной новостью, о которой они говорили, было сообщение о том, что хозяин вернулся исцелившимся. Зинат от радости была вне себя.

Сам Нееман всем только и рассказывал о том, как он приехал к царю Израильскому с письмом от своего господина, и как царь Израильский возмущался прочитав письмо, даже разодрал свою одежду, и сказал, - разве я Бог, чтобы умерщвлять и оживлять, что он посылает ко мне, чтобы я снял с человека его проказу? Хорошо, что сам пророк Елисей вмешался и прислал сказать, - пусть он придет ко мне, и узнает, что в Израиле есть пророк.

Потом пошли к дому пророка. Нееман был взволнован от предстоящей встречи и пытался представить, что тот будет делать. Он думал, что пророк выйдет к нему навстречу, станет пред ним и торжественно призовет имя Господа Бога своего. А потом возложит руку свою на пораженное проказой место, и исцелит его. Ему казалось, что так все и должно быть.

Сам Нееман не вспоминал о том, как он возмущался, что пророк не захотел к нему выйти, а всего лишь повелел семь раз окунуться в Иордане. Он только рассказывал как вошел в Иордан и окунулся в воду, как вышел из воды и увидел, что проказы больше нет. Совсем нет. Теперь он не прокаженный.

Еще он говорил, что жертвы теперь будет приносить только Богу Израилеву и хвалился, что с собой он привез несколько мешков земли из Израиля, на которой он будет молиться.

Рахиль стояла со всеми встречающими с надеждой, что может быть теперь хозяин вспомнит и о ней. Не вспомнил...

Где взять надежду

Снова Рахиль, как только появлялась возможность, уходила в свое укромное место и в горечи своего сердца изливала печаль Богу Израилеву. Сначала в молитве, а потом тихонько пела:

Когда сердце плачет, только Бог услышит.
Боль поднимается из глубины души.
Бывает падаю, и прежде, чем угаснуть,
Молитвою нарушу тишину.

Слушай, Израиль: Бог мой, всемогущий Бог!
Ты дал мне жизнь, Ты дал мне все.
Глаза в слезах и сердце тихо плачет,
Лишь сердце смолкнет, закричит душа.
Слушай Израиль: Бог мой, я одна.
Дай силы мне, Господь, и сделай чтоб я не боялась!
И нестерпима боль, и некуда бежать.
Пусть кончится она,
Моих нет больше сил.

Когда сердце плачет, время замирает,
Вся жизнь пред глазами вдруг пройдет,
И, не желая кануть в неизвестность,
У края бездны к Богу обращусь:

Слушай, Израиль: Бог мой, всемогущий Бог!
Ты дал мне жизнь, Ты дал мне все.
Глаза в слезах и сердце тихо плачет,
Лишь сердце смолкнет, закричит душа.
Слушай Израиль: Бог мой, я одна.
Дай силы мне, Господь, и сделай чтоб я не боялась!
И нестерпима боль, и некуда бежать.
Пусть кончится она,
Моих нет больше сил.⁴

⁴ Шма Исраэль. Текст адаптирован автором

Окончив пение Рахиль тихо шептала: Бог Израиля, мой Бог, помоги мне пройти тем путем, который ты определил для меня.

После пения и молитвы она возвращалась к своим обязанностям. Как ни удивительно, появлялись силы и она снова могла терпеливо ждать. Рахиль верила, что когда-то она вернется домой.

Ведь Бог Израиля – Он Бог сирот.

Эпилог

Солнце было уже высоко, но сильной жары не было. По пустынной дороге шла молодая женщина. Это была Рахиль. Ее хозяин Нееман погиб в каком-то очередном набеге, а Зинат – его жена – заболела, и после долгой болезни умерла. Теперь некому было больше ее удерживать.

Дождалась ли ее мать, и встретят ли ее братья и сестры? Рахиль не знала. Что знала она твердо, то это то, что Бог – есть Бог сирот и вдов. Он сохранил ее, Он сохранит и ее близких.

От автора

По-разному можно читать Библию. В каком-то эпизоде можно увидеть всего лишь событие и потом отмечать значение тех или иных элементов этого эпизода. А можно увидеть людей, в жизни которых произошло это событие и как оно отразилось на них.

Так и в истории с Рахилью – служанкой жены Неемана. Конечно, эта девочка является хорошим примером свидетельства о Боге Израиля в самых неподходящих условиях. Но сама эта история становится близкой нам только тогда, когда мы сможем задуматься о жизни и горе самой служанки и горе ее родителей и близких.

Тогда свидетельство той, которую мы называли Рахилью, оживает и мы можем почувствовать себя причастными к ее истории.

Предлагаю прочесть эту Библейскую историю глазами самой Рахили и глазами ее родителей.

1 Нееман, военачальник царя Сирийского, был великий человек у господина своего и уважаемый, потому что чрез него дал Господь победу Сириянам; и человек этот был отличный воин, но прокаженный.

2 Сирияне однажды пошли отрядами и взяли в плен из земли Израильской маленькую девочку, и она служила жене Неемановой.

3 И сказала она госпоже своей: о, если бы господин мой побывал у пророка, который в Самарии, то он снял бы с него проказу его!

4 И пошел Нееман и передал это господину своему, говоря: так и так говорит девочка, которая из земли Израильской.

5 И сказал царь Сирийский Нееману: пойди, сходи, а я pošлю письмо к царю Израильскому. Он пошел и взял с собою десять талантов серебра и шесть тысяч сиклей золота, и десять перемен одежд;

6 и принес письмо царю Израильскому, в котором было сказано: вместе с письмом этим, вот, я посылаю к тебе Неемана, слугу моего, чтобы ты снял с него проказу его.

7 Царь Израильский, прочитав письмо, разодрал одежды свои и сказал: разве я Бог, чтобы умерщвлять и оживлять, что он посылает ко мне, чтобы я

снял с человека проказу его? вот, теперь знайте и смотрите, что он ищет предлога враждовать против меня.

8 Когда услышал Елисей, человек Божий, что царь Израильский разодрал одежды свои, то послал сказать царю: для чего ты разодрал одежды свои? пусть он придет ко мне, и узнает, что есть пророк в Израиле.

9 И прибыл Нееман на конях своих и на колеснице своей, и остановился у входа в дом Елисеев.

10 И выслал к нему Елисей слугу сказать: пойдя, омойся семь раз в Иордане, и обновится тело твое у тебя, и будешь чист.

11 И разгневался Нееман, и пошел, и сказал: вот, я думал, что он выйдет, станет и призовет имя Господа Бога своего, и возложит руку свою на то место и снимет проказу;

12 разве Авана и Фарфар, реки Дамасские, не лучше всех вод Израильских? разве я не мог бы омыться в них и очиститься? И оборотился и удалился в гнев.

13 И подошли рабы его и говорили ему, и сказали: отец мой, если бы что-нибудь важное сказал тебе пророк, то не сделал ли бы ты? а тем более, когда он сказал тебе только: "омойся, и будешь чист".

14 И пошел он и окунулся в Иордане семь раз, по слову человека Божия, и обновилось тело его, как тело малого ребенка, и очистился.

15 И возвратился к человеку Божию он и все сопровождавшие его, и пришел, и стал пред ним, и сказал: вот, я узнал, что на всей земле нет Бога, как только у Израиля; итак прими дар от раба твоего.

16 И сказал он: жив Господь, пред лицом Которого стою! не приму. И тот принуждал его взять, но он не согласился.

17 И сказал Нееман: если уже не так, то пусть рабу твоему дадут земли, сколько снесут два лошака, потому что не будет впредь раб твой приносить всесожжения и жертвы другим богам, кроме Господа;

18 только вот в чем да простит Господь раба твоего: когда пойдет господин мой в дом Риммона для поклонения там и опрется на руку мою, и поклонюсь я в доме Риммона, то, за мое поклонение в доме Риммона, да простит Господь раба твоего в случае сем.

19 И сказал ему: иди с миром. 4-я книга Царств 5:1-19.

Нагирняк Михаил Павлович, пресвитер, пастор церкви евангельских христиан-баптистов. Начиная свое пасторское служение в церкви ЕХБ «Пробуждение» г. Енакиево, Донецкой области. В дальнейшем совершал служение в церкви «Голгофа» г. Енакиево. Кроме этого, принимал участие в работе Областного Объединения ЕХБ Донецкой области сначала в качестве члена Пресвитерского Совета и Исполнительного Секретаря Объединения, а затем

Заместителя Старшего Пресвитера. Магистр церковного служения.

В настоящее время проживает в селе Гениевка Харьковской области, где автор вынужден находиться как странник и пришелец.